

Этническая неоднородность регионов России: динамика по десятилетиям в постсоветский период*

А. Г. Манаков, Н. К. Теренина

Псковский государственный университет,
Российская Федерация, 180000, Псков, пл. Ленина, 2

Для цитирования: Манаков, А. Г., Теренина, Н. К. (2023). Этническая неоднородность регионов России: динамика по десятилетиям в постсоветский период. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 68 (4), 783–797. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.410>

Многие российские исследователи отмечают, что важнейшей особенностью этнодемографических процессов в подавляющем большинстве республик России в постсоветский период стало увеличение доли титульных народов. Для проведения сравнительной характеристики сложности национального состава населения регионов страны, а также для сопоставления изменения уровня этнической неоднородности в течение определенного периода чаще всего используется индекс этнической мозаичности. Целью данной работы является выявление общих трендов и особенностей в изменении этнической неоднородности регионов России в течение каждого из трех постсоветских десятилетий с помощью картографического метода исследования. Новизна предложенной методики связана с одновременным отображением на картосхеме двух показателей: динамики индекса этнической мозаичности и удельного веса русского населения. В первое постсоветское десятилетие стала проявляться тенденция к нарастанию моноэтничности регионов страны, которая охватила более половины субъектов, как «русских», так и национальных. Процессы, происходящие в это десятилетие, позволяют говорить о начальных этапах региональной этнической поляризации, пришедшей на смену преобладающему в советский период росту этнической неоднородности регионов страны. Во втором постсоветском десятилетии наметившийся тренд на региональную этническую поляризацию уже в полной мере проявил себя: подавляющее количество «русских» регионов и большая часть национальных субъектов следовала по пути моноэтнизации. В третьем постсоветском десятилетии произошло некоторое замедление происходящих в первые два постсоветских десятилетия процессов, и даже частичное возвращение к динамике, характерной для советского периода. Тем не менее отмеченные тенденции пока не изменили общий тренд постсоветского периода, который может быть охарактеризован как увеличение региональной этнической поляризации в стране вследствие нарастания моноэтничности как «русских», так и большинства национальных субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: индекс этнической мозаичности, доля русских, титульные народы, моноэтничность, этноконтактные зоны.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФН в рамках проекта № 23-17-00005 «Этноконтактные зоны на постсоветском пространстве: генезис, типология, конфликтогенность».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

1. Введение и постановка проблемы

Многие российские исследователи (Дорофеева и Савоскул, 2010; Стрелецкий, 2011; Орлов, 2013; Сафронов, 2015; Манаков, 2022; и др.) отмечают, что важнейшей особенностью этнодемографических процессов в подавляющем большинстве республик России в постсоветский период стало увеличение доли титульных народов. Вместе с тем происходил рост концентрации этих народов в «своих» республиках, что являлось следствием более высокого естественного прироста этих народов в национальных субъектах и более быстрой ассимиляции за их пределами. Так, к примеру, значительный демографический рост в республиках Северного Кавказа вел к росту удельного веса титульных этносов и уровня их концентрации в «своих» республиках даже в условиях миграционного оттока в другие регионы России. С другой стороны, концентрация титульных народов в республиках Урало-Поволжья далеко не всегда сопровождалась ростом доли титульного населения в самих республиках (Манаков, 2022).

Данные процессы были выявлены еще по результатам сопоставления итогов Всесоюзной переписи населения 1989 г. и первой Всероссийской переписи населения 2002 г. (Дорофеева и Савоскул, 2010; Стрелецкий, 2011). Однако С. Г. Сафронов (Сафронов, 2015) на основе сравнения итогов Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. пришел к выводу, что в первом десятилетии XXI в. эти процессы несколько замедлились. При этом большее значение в изменении национального состава населения регионов России стали приобретать трудовые миграции.

Для проведения сравнительной характеристики сложности национального состава населения регионов страны, а также для сопоставления изменения уровня этнической неоднородности в течение определенного периода чаще всего используется индекс этнической мозаичности (ИЭМ), предложенный около полувека назад Б. М. Эккелем (Эккель, 1976). Индекс этнической мозаичности применяется во многих исследованиях российских этногеографов и этнодемографов (Дорофеева и Савоскул, 2010; Лысенко и др., 2011; Лысенко и др., 2013; Орлов, 2013; Сафронов, 2015; Сидоренко, 2015; Шитиков, 2015; Зотова, 2018; Манаков, 2019; Manakov, 2019; Швец, 2019; Рыгалов и Пронина, 2020; Тенчиков, 2023; и др.). Также ИЭМ используется в концепции геокультурного пространства для классификации этноконтактных зон по степени выраженности (Герасименко, 2018; Герасименко и Родоман, 2018).

Кроме того, данный показатель хорошо известен в экономических науках, где с его помощью дается оценка влияния этнической гетерогенности стран и регионов на их экономическое развитие (Limonov and Nesena, 2016; Буфетова и др., 2017; Bufetova et al., 2020; Суслов и др., 2022). В публикациях российских экономистов, как и в работах зарубежных авторов, данный показатель чаще называется индексом этнической фракционализации (Montalvo and Reynal-Querol, 2002; Campos et al., 2011; Fedderke et al., 2014; Papyrakis and Mo, 2014; Churchill, 2019). Также в экономике аналогичный показатель известен как индекс Херфиндаля — Хиршмана, а в биологии — как индекс Симпсона (Горохов, 2014; Лимонов и Несена, 2015; Суслов и др., 2022).

Нами уже предпринимались попытки анализа динамики ИЭМ регионов России за определенные временные интервалы, например между переписями насе-

ния 1897, 1959, 1989 и 2010 гг. (Манаков, 2019; Manakov, 2019). На основе динамики индекса этнической мозаичности была разработана классификация регионов России, учитывающая динамику ИЭМ за разные временные интервалы. Однако недостатком данной классификации стало попадание в одни группы «русских» и национальных регионов, вне зависимости от динамики доли русского и нерусского населения. По этой причине пришлось разделять эти группы регионов на подгруппы в зависимости от национального статуса субъекта (Manakov, 2019). Исследование, результаты которого представлены ниже, позволяет решить обозначенную проблему с помощью новой методики, использующей оригинальные картографические приемы.

Целью данной работы является выявление в России общих трендов и особенностей региональной динамики индекса этнической мозаичности в течение каждого из трех постсоветских десятилетий (между переписями населения 1989, 2002, 2010 и 2021 гг.) с помощью картографического метода исследования.

2. Методика и новизна исследования

В качестве информационной базы исследования выступают результаты Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2021 гг., размещенные на сайтах Росстата (2023)¹ и Демоскопа Weekly (2023)². В постсоветский период в итогах переписей населения отмечается заметный рост удельного веса населения, не указывающего свою национальную принадлежность. Для распределения обозначенной категории населения по национальностям требуются специальные изыскания, в частности, опирающиеся на социологические методы исследования. В связи с этим нужно отметить, что расчет доли этносов в данной работе осуществлялся от числа лиц, указавших свою национальность.

Как было отмечено выше, основным показателем, на который опирается исследование, является индекс этнической мозаичности. Индекс рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{ИЭМ} = 1 - \sum_{i=1}^N (n_i)^2,$$

где ИЭМ — индекс этнической мозаичности; N — количество национальностей, представленных в регионе; n_i — удельный вес i -й национальности в населении региона.

Минимальное значение индекса этнической мозаичности соответствует нулю. Это возможно только в случае, если в стране или регионе доля представителей определенной национальности составляет 100%. Значение ИЭМ, близкое к единице (точнее, $1 - 1/N$), свидетельствует о высокой степени этнической неоднородности населения. Хотя ИЭМ учитывает все национальности, проживающие в регионе,

¹ Всероссийская перепись населения 2021 года. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Таблица 1. Национальный состав населения. [online] Доступно на: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul [Дата доступа 10.03.2023].

² Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. [online] Доступно на: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=8> [Дата доступа 10.03.2023].

но практически на его величину оказывает влияние преимущественно удельный вес доминирующего этноса и нескольких наиболее многочисленных этнических групп.

Градации величины ИЭМ в нашем исследовании дается с учетом использования показателя в отечественной культурной географии, где в настоящее время на основе концепции геокультурного пространства идет разработка концепции этноконтактных зон (ЭКЗ). Так, применяется следующая градация ИЭМ, выделяющая классы ЭКЗ по степени выраженности: 1) слабо выраженные ЭКЗ — ИЭМ от 0.1 до 0.2; 2) средне (или неярко) выраженные ЭКЗ — ИЭМ от 0.2 до 0.4; 3) ярко выраженные ЭКЗ — с ИЭМ свыше 0.4 (Лысенко и др., 2011; Лысенко и др., 2013; Шитиков, 2015; Герасименко, 2018; Герасименко и Родоман, 2018; Теренина, 2022). Эмпирически двум первым значениям ИЭМ соответствует доля доминирующего этноса примерно в 95 % и около 90 % (Манакон, 2019; Manakov, 2019). Кроме того, отдельно рассматриваются моноэтнические регионы (ИЭМ менее 0.1) и наиболее полиэтничные территории (ИЭМ свыше 0.6).

Однако у ИЭМ имеются и недостатки, которые создают сложности при анализе региональных различий в этнической неоднородности населения. Так, отмечается, что одним из таких недостатков является невозможность с помощью этого показателя показать взаимосвязь между долей титульных и нетитульных народов в населении национальных субъектов Российской Федерации (Гарипов, 2015). К примеру, очень близкая величина ИЭМ по итогам переписи населения 2021 г. характеризует одновременно многие моноэтнические русские регионы и два национальных субъекта (Республика Ингушетия и Чеченская Республика с долей титульных народов свыше 95 %). По этой причине ИЭМ может выступать только в качестве вспомогательного показателя в этнодемографическом анализе, а его динамика позволяет проследить лишь общие тенденции в трансформации этнической структуры населения регионов (Манакон, 2019).

В связи с этим нужно отметить главную особенность, определяющую степень этнического разнообразия в субъектах Российской Федерации. В подавляющем большинстве регионов страны ИЭМ складывается из соотношения русского и коренного (в национальных субъектах — титульного) населения. И при этом достаточно редки случаи, когда какой-либо народ, кроме русских и титульных народов национальных субъектов, имеет значительный удельный вес в этнической структуре населения регионов России (Дорофеева и Савоскул, 2010).

Новизна используемой в исследовании методики связана с одновременным отображением на картосхеме двух показателей: индекса этнической мозаичности (и его динамики за определенный временной интервал) и удельного веса русского населения (и его динамики) в регионах России. Это позволяет компенсировать главный недостаток ИЭМ, а именно дает возможность визуально проследить различия в величине ИЭМ собственно «русских» и национальных регионов России, а также оценить влияние на динамику данного показателя изменений в этнической структуре населения регионов страны. Таким образом, предложенная методика позволяет классифицировать регионы России по двум обозначенным выше признакам. Кроме того, в исследовании впервые представлены результаты анализа изменения ИЭМ регионов Российской Федерации между переписями населения 2010 и 2021 гг.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Индекс этнической мозаичности по итогам переписи 2021 г.

На рис. 1 представлены результаты расчета индекса этнической мозаичности по итогам Всероссийской переписи населения 2021 г. по регионам страны. Вместе с тем на рисунке разными цветами обозначено также и соотношение русского и нерусского (титularyного в национальных субъектах) населения.

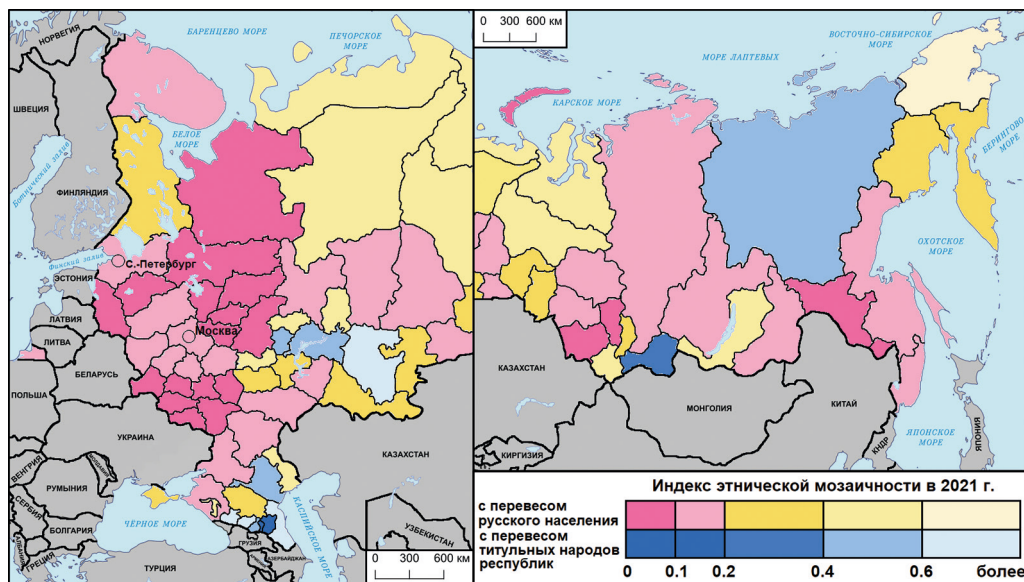

Рис. 1. Величина индекса этнической мозаичности по регионам России (в границах на 2021 г.) в соответствии с итогами Всероссийской переписи населения 2021 г.

В отличие от традиционного картографического отображения величины ИЭМ, как собственно русские, так и национальные регионы с низким значением показателя (моноэтничные) окрашены в более яркие цвета. Как видно на рисунке, моноэтничными является большинство «русских» регионов Европейской России, а также два национальных субъекта — Республика Ингушетия и Чеченская Республика.

Чем выше ИЭМ, тем на картосхеме менее интенсивной является окраска, но с сохранением разной цветовой гаммы для регионов с перевесом русского или коренного населения. Регионы с высокими значениями ИЭМ рассматриваются как этноконтактные зоны разной степени выраженности. Так, например, среди национальных регионов, где наблюдается перевес титульных народов, Республику Тыва можно отнести к неярко выраженной этноконтактной зоне, Республики Татарстан, Чувашскую, Калмыкию, Северную Осетию — Аланию, Саха (Якутию) — к ярко выраженным ЭКЗ, Республики Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкарскую, Карачаево-Черкесскую — к наиболее полиэтничным регионам. При этом максимальным значением ИЭМ, превышающим 0,8, характеризуется Республика Дагестан — самый полиэтничный субъект Российской Федерации. Наиболее полиэтничным

национальным регионом, где русское население превышает титульное, является Чукотский автономный округ.

В целом ряде республик России доля титульного населения ниже, чем русского. В большинстве случаев их можно рассматривать как ярко выраженные ЭКЗ. В эту категорию национальных субъектов попадают финно-угорские республики Коми, Удмуртская, Марий Эл, Мордовия, а также республики Адыгея, Алтай и Бурятия. На уровне этих республик по величине ИЭМ, благодаря высокой доле казахов, находится лишь один «русский» регион — Астраханская область. К неярко выраженным ЭКЗ, где русское население уже явно доминирует, относятся такие национальные субъекты, как республики Карелия и Хакасия. В эту же категорию этноконтактных зон попадают и многие «русские» регионы, где относительно высока доля нерусского населения.

3.2. Динамика ИЭМ между переписями 1989 и 2002 гг.

Между переписями населения 1989 и 2002 гг. доля русских в населении Российской Федерации уменьшилась с 81.54 до 80.64%. На рис. 2 показано, что сокращение доли русского населения произошло в большей части регионов России. Во многих «русских» регионах центра и юга Европейской России, а также в ряде республик Урало-Поволжья и национальных субъектов азиатской части страны это сопровождалось ростом этнической неоднородности населения.

Особо нужно отметить несколько национальных субъектов Северного Кавказа (республики Калмыкия, Дагестан, Чеченская, Ингушетия, Северная Осетия — Алания и Кабардино-Балкарская), а также такие республики, как Татарстан, Тыва и Саха (Якутия), где удельный вес титульных народов уже превысил половину

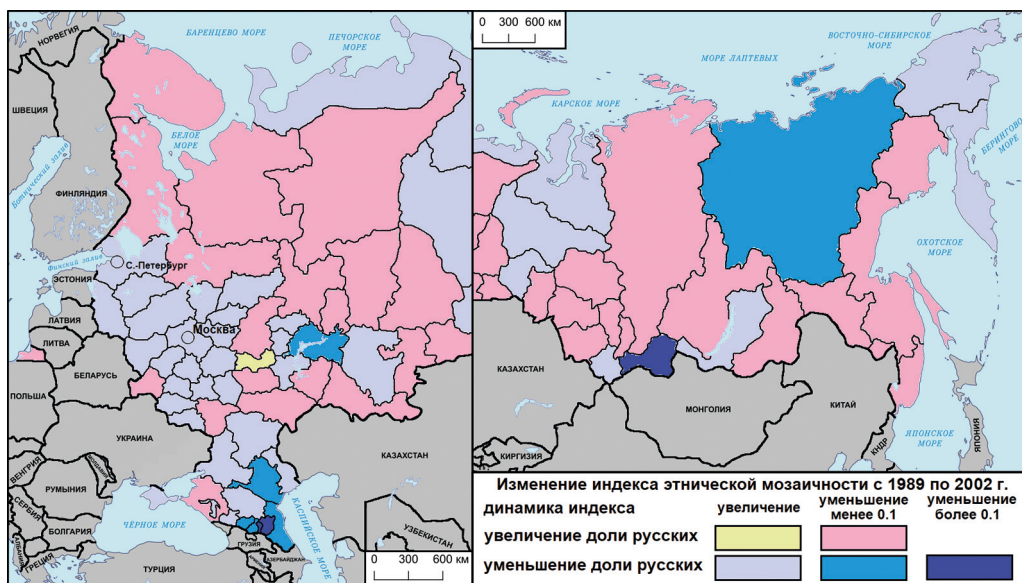

Рис. 2. Изменение индекса этнической мозаичности по регионам России (в границах на 2021 г.) между переписями населения 1989 и 2002 гг.

населения. Здесь снижение доли русских вело к постепенной или же резкой (как в Чеченской Республике и Ингушетии) моноэтнизации национальных субъектов.

Единственным субъектом Российской Федерации, где одновременно выросла доля русского населения и увеличилась величина ИЭМ, стала Республика Мордовия. Еще в трех финно-угорских республиках (Карелии, Коми и Удмуртской) рост удельного веса русского населения вел к снижению этнической неоднородности, что объяснялось достаточно низкой и продолжающей сокращение долей титульных народов этих национальных субъектов. Это стало следствием как ассимиляции, так и ускорения естественной убыли данных народов (Дорофеева и Савоскул, 2010).

В большинстве «русских» регионов севера Европейской России, на Урале и в азиатской части страны произошло снижение степени этнической неоднородности благодаря росту доли русского населения. Восточную часть страны охватил ускоренный процесс моноэтнизации «русских» регионов, что было связано как с частичным выездом их них украинского населения (Дорофеева и Савоскул, 2010), так и с активизацией процессов ассимиляции нерусского населения.

В целом же нужно отметить, что в первом постсоветском десятилетии пока еще сохранялась тенденция, заложенная в позднесоветский период, а именно продолжался рост этнической неоднородности «русских» регионов в центральной части Европейской России (Манакон, 2019), что стало следствием как ускорившейся естественной убыли русских, так и притока нерусского населения. Также в позднесоветское время начал проявлять себя процесс моноэтнизации «русских» регионов на севере и востоке России.

Что касается роста доли титульных народов в большинстве национальных субъектов, то этот процесс также начался еще в позднесоветский период (Манакон, 2022), но в первом постсоветском десятилетии эту категорию регионов дополнили также республики Чувашская, Башкортостан и Саха (Якутия). Наибольшее падение ИЭМ в этот период, свидетельствующее о стремительной моноэтнизации населения, характеризовало такие национальные субъекты, как республики Ингушетия, Чеченская и Тыва.

Таким образом, в первое постсоветское десятилетие четко обозначился общий тренд на снижение этнической неоднородности (или нарастание моноэтничности) как «русских» регионов, пока что за исключением центра европейской части страны, так и ряда национальных субъектов Российской Федерации. Также увеличилось количество национальных регионов, где стала уменьшаться доля русского населения. То есть процессы, происходящие в этот период, позволяют говорить о начальных этапах региональной этнической поляризации, пришедшей на смену преобладающему в советский период процессу относительного выравнивания национального состава населения регионов России, связанному с активным межрегиональным миграционным обменом населения.

3.3. Динамика ИЭМ между переписями 2002 и 2010 гг.

Между переписями населения 2002 и 2010 гг. доля русских в населении России несколько увеличилась — с 80.64 до 80.9%. При этом, как показано на рис. 3, удельный вес русских вырос в подавляющем количестве регионов страны, как в «русских», так и в целом ряде национальных. Рост русского населения во всех этих ре-

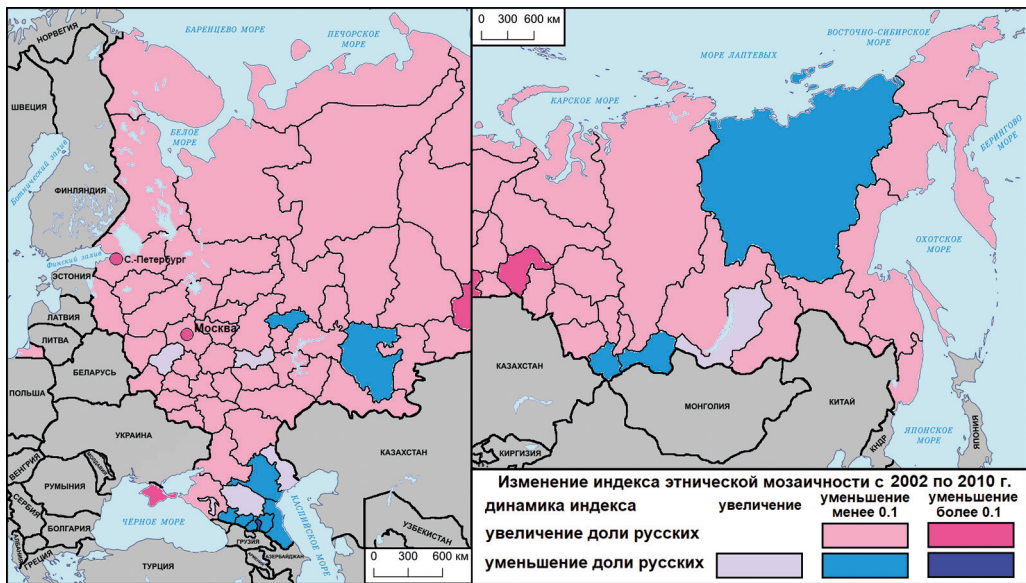

Рис. 3. Изменение индекса этнической мозаичности по регионам России (в границах на 2021 г.) между переписями населения 2002 и 2010 гг.

гионах сопровождался уменьшением индекса этнической мозаичности. Наиболее интенсивно этот процесс происходил в Тюменской области (без автономных округов), Москве и Санкт-Петербурге, где ускорились ассимиляционные процессы. К последним регионам примкнул Крым (по итогам этнической динамики с 2001 по 2014 г.). Смена политического статуса привела здесь к резкому уменьшению доли украинцев и значительному росту доли русских.

По сравнению с предыдущим десятилетием сохранилось лишь несколько «островков», где продолжалось сокращение доли русского населения, ведущее к росту этнической неоднородности. В эту категорию регионов попали Калужская и Астраханская области, Ставропольский край, республики Адыгея, Мордовия и Бурятия. Вместе с тем 12 национальных субъектов Российской Федерации (Саха (Якутия), Тыва, Алтай, Башкортостан и все республики Северного Кавказа) уже явно приняли курс на моноэтнизацию. В них продолжалось уменьшение доли русского населения и снижение ИЭМ. При этом республики Чеченская и Ингушетия к 2010 г. стали фактически моноэтническими.

Таким образом, во втором постсоветском десятилетии общий тренд на региональную этническую поляризацию страны проявился еще более четко: подавляющее количество «русских» регионов и большая часть национальных субъектов становились все более моноэтническими. Началось растворение или же снижение степени выраженности большинства этноконтрастных зон.

3.4. Динамика ИЭМ между переписями 2010 и 2021 гг.

Между Всероссийскими переписями населения 2010 и 2021 гг. доля русских в населении страны уменьшилась, но всего лишь на 0.05% — с 80.9 до 80.85%. Картосхема, изображенная на рис. 4, позволяет сделать вывод, что в большинстве

Рис. 4. Изменение индекса этнической мозаичности по регионам России (в границах на 2021 г.) между переписями населения 2010 и 2021 гг.

регионов страны, в том числе и в национальных, сохранялся рост удельного веса русского населения. Во всех этих регионах, за исключением Республики Адыгея и Чувашской Республики, происходило уменьшение этнической неоднородности. Для «русских» регионов это означало продолжение процесса моноэтнизации. Также до критически низкого уровня сократилась доля титульных народов в ряде национальных субъектов, например в Республике Карелия (до 5.5%), в Еврейской автономной области (до 0.6%) и т. д. По величине ИЭМ эти национальные регионы уже фактически не отличались от «русских».

С другой стороны, как и в период 1990-х годов, проявился массив «русских» регионов в центре Европейской России, где вновь начала уменьшаться доля русского населения, что предопределило рост в них этнической неоднородности. В эту же категорию регионов вошли Астраханская область (из-за роста доли казахов) и Забайкальский край. Также сокращение удельного веса русских вызвало увеличение ИЭМ в трех республиках (Кабардино-Балкарская, Алтай и Бурятия).

Особую категорию составили восемь республик (Саха (Якутия), Тыва, Калмыкия Дагестан, Чеченская, Ингушетия, Северная Осетия — Алания и Карачаево-Черкесская), где продолжался процесс моноэтнизации, т. е. росла доля титульных народов и уменьшался ИЭМ. Максимальных значений среди национальных субъектов Российской Федерации доля титульных народов достигла в Республике Ингушетия и Чеченской Республике — по 96.4% от всего населения.

Таким образом, в третьем постсоветском десятилетии вновь проявились некоторые процессы, характерные для 1990-х годов. С одной стороны, это касается роста этнической неоднородности в ряде регионов центра европейской части страны из-за незначительного уменьшения в них доли русского населения (по причине притока нерусских мигрантов). С другой стороны, рост доли русских и повышение степени этнической неоднородности охватили все национальные субъекты севера

Европейской России и Урало-Поволжья, что не было характерно для 1990-х годов. Вместе с тем сохранилась отмеченная с позднесоветского периода динамика ряда республик в направлении моноэтнизации своего населения.

В целом обозначенные тренды свидетельствуют о некотором замедлении процессов региональной этнической поляризации в России и даже частичном возвращении к процессу выравнивания национальной структуры регионов страны, характерному для советского периода. Тем не менее отмеченные тенденции пока настолько слабы, что не внесли изменения в общий тренд постсоветского периода, который может быть охарактеризован как увеличение региональной этнической поляризации в стране вследствие нарастания моноэтничности как «русских», так и большинства национальных субъектов Российской Федерации.

4. Заключение

Для оценки этнической неоднородности в работах отечественных этногеографов и этнодемографов чаще всего используется индекс этнической мозаичности, предложенный около полувека назад Б. М. Эккелем. Вместе с тем проведенное исследование опирается на картографическую методику, новизна которой связана с одновременным отображением на картосхеме двух показателей: динамики индекса этнической мозаичности и удельного веса русского населения в регионах России. В результате картографического анализа были выявлены общие тренды и особенности динамики этнической неоднородности регионов России в течение каждого из трех постсоветских десятилетий, а точнее, в периоды между переписями населения 1989, 2002, 2010 и 2021 гг.

Между переписями населения 1989 и 2002 гг. стала в большей мере проявлять себя обозначившаяся в позднесоветский период тенденция к снижению этнической неоднородности (нарастанию моноэтничности) значительной части национальных субъектов Российской Федерации и большинства «русских» регионов, пока что за исключением центра европейской части страны. Также увеличилось количество национальных регионов с уменьшающейся долей русского населения. Процессы, происходящие в это десятилетие, позволяют говорить о начальных этапах региональной этнической поляризации, которая пришла на смену преобладающему в позднесоветский период процессу относительного выравнивания национального состава населения регионов России, связанному с активным межрегиональным миграционным обменом населения.

Во втором постсоветском десятилетии, между переписями населения 2002 и 2010 гг., еще более четко проявился общий тренд на региональную этническую поляризацию страны. Это десятилетие характеризовалось ростом доли русского населения в подавляющем большинстве «русских» регионов и в некоторых национальных субъектах. Но в большинстве республик продолжалось увеличение удельного веса титульных народов. Заметно возросло количество моноэтничных русских регионов, появились моноэтничные национальные республики (Ингушетия и Чеченская). Началось растворение или же снижение степени выраженности большинства этноконтактных зон.

В третьем постсоветском десятилетии, между переписями населения 2010 и 2021 гг., обозначилось некоторое замедление процессов региональной эт-

нической поляризации в России и даже произошло частичное возвращение к процессу относительного выравнивания национальной структуры регионов страны, характерному для советского периода. Так, вновь выросла этническая неоднородность за счет снижения доли русских в ряде «русских» регионов центра Европейской России. С другой стороны, вырос удельный вес русского населения в республиках Урало-Поволжья. Однако продолжалось движение в направлении моноэтничности республик Северного Кавказа, республик Тыва и Саха (Якутия). Тем не менее произошедшие в это десятилетие изменения в этнодемографической динамике пока что не смогли переломить общий тренд постсоветского периода, который может быть охарактеризован как увеличение региональной этнической поляризации в стране вследствие нарастания моноэтничности как «русских», так и большинства национальных субъектов Российской Федерации.

Чтобы наиболее полно вскрыть причины происходящих в Российской Федерации этнодемографических процессов, требуются исследования, не ограниченные рамками постсоветского периода. Многие из обозначенных процессов начали проявлять себя еще в позднесоветское время. При этом распад Советского Союза превратил намечавшиеся тренды этнодемографической динамики в господствующие. Только изучив детально, с помощью количественных методов все факторы естественного и механического движения этнических групп в разных регионах страны, можно перейти к прогнозированию этнодемографических процессов. Наиболее сложной составляющей прогнозирования является оценка миграций населения, на которые влияет геополитическая и социально-экономическая обстановка в России и странах ближнего зарубежья. Но это не снимает задачи этнодемографического прогнозирования, в том числе и на региональном уровне, которое может предложить разные сценарии в зависимости от изменяющейся политической и экономической ситуации на постсоветском пространстве.

Литература

- Буфетова, А. Н., Коломак, Е. А., Михалева, М. М. (2017). Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России. *Мир экономики и управления*, 17 (3), 143–157. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-3-143-157>
- Гарипов, Я. З. (2015). О методике количественного измерения уровня межэтнического общения. *Вестник экономики, права и социологии*, 3, 194–197.
- Герасименко, Т. И. (2018). Этноконтактные зоны в геокультурном пространстве России. *Гуманитарный вектор*, 13 (2). 152–161. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-2-152-161>
- Герасименко, Т. И. и Родоман, Б. Б. (2018). Этноконтактные зоны как вид этнокультурных регионов. *Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов*, 7, 51–59.
- Горохов, С. А. (2014). Религиозная мозаичность как фактор экономического развития регионов современного мира. *Вестник Московского университета. Серия 5: География*, 4, 56–61.
- Дорофеева, Д. Ю. и Савоскул, М. С. (2010). Изменение этнической мозаичности регионов России. В: И. А. Данилова, О. А. Хараева, под ред., *Этническая демография. Сборник. Серия: Демографические исследования*. М.: МАКС Пресс, 72–93.
- Зотова, О. А. (2018). Геодемографическая ситуация в приграничных регионах России и Казахстана. *Географический вестник*, 46 (3), 31–38. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2018-3-31-38>
- Лимонов, Л. Э. и Несена, М. В. (2015). Особенности этнокультурного разнообразия российских регионов. *Регион: экономика и социология*, 87 (3), 146–170.

- Лысенко, А. В., Азанов, Д. С., Водопьянова, Д. С. (2013). Этноконтактные зоны в системе этнокультурного районирования Северного Кавказа. *Наука. Инновации. Технологии*, 1, 130–137.
- Лысенко, А. В., Водопьянова, Д. С., Азанов, Д. С. (2011). Этноконтактные зоны Северного Кавказа. *Вестник Ставропольского государственного университета*, 3, 165–170.
- Манаков, А. Г. (2019). Оценка изменения этнической мозаичности регионов Европейской России в периоды между переписями 1897, 1959 и 2010 гг. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 2, 117–128.
- Манаков, А. Г. (2022). Титульные народы республик России: этнодемографические тренды с 1939 года. *Псковский регионологический журнал*, 18 (2), 43–64. <https://doi.org/10.37490/S221979310019231-7>
- Орлов, А. Ю. (2013). Историко-географические аспекты трансформации этнической структуры населения Российской Федерации. *Региональные исследования*, 40 (2), 120–124.
- Рыгалов, Е. В. и Пронина, Е. В. (2020). Картографический анализ этнической структуры населения Республики Алтай. *Геополитика и экогеодинамика регионов*, 6 (3), 260–267.
- Сафронов, С. Г. (2015). Современные тенденции трансформации этнического состава населения России. *Балтийский регион*, 25 (3), 138–153.
- Сидоренко, Н. А. (2015). Этническая мозаичность в реалиях этносоциальной истории Крыма XX века. *В мире научных открытий*, 63 (3-6), 2798–2808.
- Стрелецкий, В. Н. (2011). Сдвиги в этническом расселении в России в конце XX — начале XXI веков и их некоторые культурно-географические аспекты. *Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география*, 2 (1), 51–72.
- Суслов, Н. И., Исупова, Е. Н., Иванова, А. И. (2022). Этническое разнообразие в российских регионах и экономический рост: теоретическая модель и ее апробация на панельных данных. *Проблемы прогнозирования*, 191 (2), 35–47. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-191-35-47>
- Тенчиков, А. А. (2023). Этноконфликтотенный потенциал территории: особенности и проблемы оценки на примере Республики Казахстан. *Региональные геосистемы*, 47 (1), 23–33. <https://doi.org/10.52575/2712-7443-2023-47-1-23-33>
- Теренина, Н. К. (2022). Индекс этнической контактности как инструмент изучения территорий со смешанным национальным составом населения. *Псковский регионологический журнал*, 18 (1), 101–116. <https://doi.org/10.37490/S221979310018427-2>
- Швец, А. Б. (2019). Полиэтничность Крыма как фактор выстраивания регионом баланса. *Геополитика и экогеодинамика регионов*, 15 (5), 4, 29–46.
- Шитиков, Ф. В. (2015). Географические особенности этноконфессиональной ситуации на территории Республики Бурятия. *Известия Иркутского университета. Серия: Науки о Земле*, 11, 141–148.
- Эккель, Б. М. (1976). Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР. *Советская этнография*, 2, 33–39.
- Bufetova, A. N., Khrzhanovskaya, A. A., Kolomak, E. A. (2020). Cultural heterogeneity and economic development in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13 (4), 453–463. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0582>
- Campos, N., Saleh, A., Kuzeyev, V. (2011). Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth. *Journal of International Trade and Economic*, 20, 129–152.
- Churchill, S. A. (2019). Income and Ethnic Fractionalisation: Evidence from British Microdata. *Economic Issues*, 24, part 1, 21–34.
- Fedderke, J., Luiz, J., de Kadt, R. (2014). Using fractionalization indexes: Deriving methodological principles for growth studies from time series evidence. *Social Indicators Research*, 85, 257–278.
- Limonov, L. and Nesena, M. (2016). Regional cultural diversity in Russia: does it matter for regional economic performance? *Area Development and Policy*, 1 (1), 63–93. <https://doi.org/10.1080/23792949.2016.1164016>.
- Manakov, A. G. (2019). Spatial patterns in the transformation of the ethnic structure of the Russian population between the 1959 and 2010 censuses. *Geography and Natural Resources*, 40 (2), 106–114. <https://doi.org/10.1134/S1875372819020021>
- Montalvo, J. and Reynal-Querol, M. (2002). *Why Ethnic Fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth*. UPF Economics and Business Working Paper No. 660.
- Papayrakis, E. and Mo, P. (2014). Fractionalization, polarization, and economic growth: identifying the transmission channels. *Economic Inquiry*, 52, 1204–1218.

Контактная информация:

Манаков Андрей Геннадьевич — region-psk@yandex.ru
Теренина Наталья Константиновна — brazelon@yandex.ru

Ethnic heterogeneity of Russian regions: Dynamics by decades in the post-soviet period*

A. G. Manakov, N. K. Terenina

Pskov State University,
2, pl. Lenina, Pskov, 180000, Russian Federation

For citation: Manakov, A. G., Terenina, N. K. (2023). Ethnic heterogeneity of Russian regions: Dynamics by decades in the post-soviet period. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 68 (4), 783–797. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.410> (In Russian)

Many Russian researchers note that the most important feature of ethnodemographic processes in Russia in the post-Soviet period was the increase in the overwhelming majority of republics in the share of titular peoples. To conduct a comparative characterization of the complexity of the national composition of the population of the country's regions, as well as to compare changes in the level of ethnic heterogeneity over a certain period, the ethnic mosaic index is most often used. The purpose of this work is to identify general trends and features of changes in the ethnic heterogeneity of Russian regions in each of the three post-Soviet decades using the cartographic research method. The novelty of the proposed methodology is associated with the simultaneous display on the cartographic chart of two indicators: the dynamics of the index of ethnic mosaic and the proportion of the Russian population. In the first post-Soviet decade, the tendency to increase the mono-ethnicity of the country's regions began to manifest itself more and more, which covered more than half of the subjects, both "Russian" and national. The processes taking place in this decade allow us to speak about the initial stages of regional ethnic polarization, which replaced the predominant growth of ethnic heterogeneity in the country's regions during the Soviet period. In the second post-Soviet decade, the general trend towards regional ethnic polarization has already fully manifested itself, when the overwhelming number of "Russian" regions and most of the national subjects followed the path of mono-ethnization. In the third post-Soviet decade, there was a slight slowdown in the processes occurring in the first two post-Soviet decades, and even a partial return to the dynamics characteristic of the Soviet period. Nevertheless, the noted trends have not yet changed the general trend of the post-Soviet period, which can be characterized as an increase in regional ethnic polarization in the country due to the increase in mono-ethnicity of both "Russians" and the majority of national subjects of the Russian Federation.

Keywords: index of ethnic mosaic, the share of Russians, titular peoples, mono-ethnicity, ethnocontact zones.

* The research was funded by the Russian Science Foundation, project no. 23-17-00005 "Ethnic contact zones in the post-Soviet space: genesis, typology, conflict potential".

References

- Bufetova, A. N., Khrzhanovskaya, A. A., Kolomak, E. A. (2020). Cultural heterogeneity and economic development in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13 (4), 453–463. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0582>
- Bufetova, A. N., Kolomak, E. A., Mikhaleva, M. M. (2017). National diversity and economic development of Russian regions. *Mir ekonomiki i upravleniia*, 17 (3), 143–157. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-3-143-157> (In Russian)
- Campos, N., Saleh, A., Kuzeyev, V. (2011). Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth. *Journal of International Trade and Economic*, 20, 129–152.
- Churchill, S. A. (2019). Income and Ethnic Fractionalisation: Evidence from British Microdata. *Economic Issues*, 24 (1), 21–34.
- Dorofeeva, D. Yu. and Savoskul, M. S. (2010). Changes in the ethnic mosaic of Russian regions. In: I. A. Danilova, O. A. Kharaeva, eds, *Etnicheskaiia demografiia. Sbornik. Serii: Demograficheskie issledovaniia*. Moscow: MAKSS Press, 72–93. (In Russian)
- Eckel, B. M. (1976). Determination of the mosaic index of the national composition of the republics, territories and regions of the USSR. *Sovetskaia etnografiia*, 2, 33–39. (In Russian)
- Fedderke, J., Luiz, J., de Kadt, R. (2014). Using fractionalization indexes: Deriving methodological principles for growth studies from time series evidence. *Social Indicators Research*, 85, 257–278.
- Garipov, Ya. Z. (2015). On the method of quantitative measurement of the level of interethnic communication. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 3, 194–197.
- Gerasimenko, T. I. (2018). Ethnocontact zones in the geocultural space of Russia. *Gumanitarnyi vektor*, 13 (2), 152–161. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-2-152-161> (In Russian)
- Gerasimenko, T. I. and Rodoman, B. B. (2018). Ethnocontact zones as a type of ethnocultural regions. *Sotsial'no-ekonomicheskaiia geografiia. Vestnik Assotsiatsii Rossiiskikh geografov-obshchestvovedov*, 7, 51–59. (In Russian)
- Gorokhov, S. A. (2014). Religious mosaicism as a factor in the economic development of the regions of the modern world. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 5: Geografiia*, 4, 56–61. (In Russian)
- Limonov, L. E. and Nesena, M. V. (2015). Features of the ethnocultural diversity of Russian regions. *Region: ekonomika i sotsiologiia*, 87 (3), 146–170. (In Russian)
- Limonov, L. and Nesena, M. (2016). Regional cultural diversity in Russia: does it matter for regional economic performance? *Area Development and Policy*, 1 (1), 63–93. <https://doi.org/10.1080/23792949.2016.1164016>
- Lysenko, A. V., Azanov, D. S., Vodopyanova, D. S. (2013). Ethnocontact zones in the system of ethnocultural zoning of the North Caucasus. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii*, 1, 130–137. (In Russian)
- Lysenko, A. V., Vodopyanova, D. S., Azanov, D. S. (2011). Ethnic contact zones of the North Caucasus. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 165–170. (In Russian)
- Manakov, A. G. (2019). Evaluation of the change in the ethnic mosaicity of the regions of European Russia in the periods between the 1897, 1959 and 2010 censuses. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Serii geograficheskaiia*, 2, 117–128. (In Russian)
- Manakov, A. G. (2019). Spatial patterns in the transformation of the ethnic structure of the Russian population between the 1959 and 2010 censuses. *Geography and Natural Resources*, 40 (2), 106–114. <https://doi.org/10.1134/S1875372819020021>
- Manakov, A. G. (2022). Title peoples of the republics of Russia: Ethno-demographic trends since 1939, *Pskovskii regional'nyi zhurnal*, 18 (2), 43–64. <https://doi.org/10.37490/S221979310019231-7> (In Russian)
- Montalvo, J. and Reynal-Querol, M. (2002). *Why Ethnic Fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth*. UPF Economics and Business Working Paper no. 660.
- Orlov, A. Yu. (2013). Historical and geographical aspects of the transformation of the ethnic structure of the population of the Russian Federation. *Regional'nye issledovaniia*, 40 (2), 120–124. (In Russian)
- Papyrakis, E. and Mo, P. (2014). Fractionalization, polarization, and economic growth: identifying the transmission channels. *Economic Inquiry*, 52, 1204–1218.
- Rygalov, E. V. and Pronina, E. V. (2020). Cartographic analysis of the ethnic structure of the population of the Altai Republic. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, 6 (3), 260–267. (In Russian)

- Safronov, S. G. (2015). Modern trends in the transformation of the ethnic composition of the population of Russia. *Baltiiskii region*, 25 (3), 138–153. (In Russian)
- Shitikov, F. V. (2015). Geographic features of the ethno-confessional situation on the territory of the Republic of Buryatia. *Izvestiia Irkutskogo universiteta. Seriya: Nauki o Zemle*, 11, 141–148. (In Russian)
- Shvets, A. B. (2019). Multi-ethnicity of Crimea as a factor in balancing the region. *Geopolitika i ekogeodina-mika regionov*, 15 (5), 4, 29–46. (In Russian)
- Sidorenko, N. A. (2015). Ethnic mosaicity in the realities of the ethno-social history of Crimea in the 20th century. *V mire nauchnykh otkrytii*, 63 (3-6), 2798–2808. (In Russian)
- Streletsky, V. N. (2011). Shifts in ethnic settlement in Russia in the late 20th — early 21st centuries and some of their cultural and geographical aspects. *Iuzhno-rossiiskii forum: ekonomika, sotsiologiya, politologiya, sotsial'no-ekonomicheskaiia geografiia*, 2 (1), 51–72. (In Russian)
- Suslov, N. I., Isupova, E. N., Ivanova, A. I. (2022). Ethnic diversity in Russian regions and economic growth: A theoretical model and its testing on panel data. *Problemy prognozirovaniia*, 191 (2), 35–47. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-191-35-47> (In Russian)
- Tenchikov, A. A. (2023). The Ethno-Conflict Potential of a Territory: Characteristics and Problems of Estimation on the Example of the Republic of Kazakhstan. *Regional'nye ekosistemy*, 47 (1), 23–33. <https://doi.org/10.52575/2712-7443-2023-47-1-23-33> (In Russian)
- Terenina, N. K. (2022). The index of ethnic contact as a tool for studying territories with a mixed national composition of the population. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, 18 (1), 101–116. <https://doi.org/10.37490/S221979310018427-2> (In Russian)
- Zotova, O. A. (2018). Geodemographic situation in the border regions of Russia and Kazakhstan. *Geograficheskii vestnik*, 46 (2), 31–38. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2018-3-31-38> (In Russian)

Received: May 21, 2023
Accepted: November 10, 2023

Authors' information:

Andrei G. Manakov — region-psk@yandex.ru
Natalia K. Terenina — brazelon@yandex.ru